

Peter I Digital: From Historical Narratives to Mythologems of Digital Space (Review)

Arthur A. Dydrov¹ & Sofya A. Rezvushkina²

South Ural State University. Chelyabinsk, Russia

Received: 30 January 2023 | Revised: 16 March 2023 | Accepted: 25 May 2023

Abstract

The subject of the review is the monograph “Peter I in Media Memory” by Denis S. Artamonov and Sophia V. Tikhonova. Like their previous study on historical memory, the scientists rely on a variety of empirical material, including microformatted Internet content, cinema, animation, and video games. One of the central concepts of the book, mediatization, is explored through its application to the legendary historical figure of Peter the First. The analysis focuses on the well-known events and processes of Peter the First era that exist in historical memory and have entered the digital environment, as well as iconic mythologems.

“Media memory” is not presented as an alternative source of knowledge about the past that exists alongside traditional forms of recording and broadcasting history. Instead, the authors argue that it functions as a resource for the formation of collective identities and the transformation of historical knowledge. The book delves into the mechanisms of contemporary discourses, providing insights into concepts such as the politics of memory, memorial war, media oblivion, and more. Despite its high theoretical level, the study is intended for a broad audience interested in digital culture.

Keywords

Mythology; Mythologeme; Connotation; Media Memory; Memorial Wars; Politics of Memory; Media Oblivion

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [dydrovaa\[at\]susu.ru](mailto:dydrovaa@susu.ru)

2 Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra@gmail.com)

Петр I Digital: от исторических нарративов к мифологемам цифрового пространства (рецензия)

Дыдров Артур Александрович¹, Резвушкина Софья Александровна²

Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, Россия

Рукопись получена: 30 января 2023 | Пересмотрена: 16 марта 2023 | Принята: 25 мая 2023

Аннотация

Предметом рецензирования выступает монография «Петр I в медиапамяти» авторства Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой. Как и в предыдущем исследовании об исторической памяти, ученые опираются на разнообразный эмпирический материал: микроформатный Интернет-контент, кинематограф, мультипликацию, видеоигры. Один из титульных концептов книги – медиатизация – разворачивается с калибровкой на фигуре легендарного исторического деятеля. Предметом аналитики стали известные события и процессы эпохи Петра I, циркулирующие в исторической памяти и попадающие в цифровую среду, а также знаковые мифологемы. «Медиапамять» не позиционируется в качестве альтернативного носителя знания о прошлом, существующего наряду с традиционными формами фиксации и трансляции истории. Авторы доказывают, что она функционирует как ресурс формирования коллективных идентичностей и трансформирует историческое знание. В книге раскрываются механизмы действия современных дискурсов, уточняются концепты политики памяти, мемориальной войны, медиазабвения и др. Несмотря на высокий теоретический уровень, исследование рассчитано на широкую аудиторию, интересующуюся вопросами цифровой культуры.

Ключевые слова

мифология; мифологема; коннотация; медиапамять; мемориальные войны; политика памяти; медиазабвение

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: dydrovaa@susu.ru

2 Email: finntundra@gmail.com

Введение

Саратовский дуэт исследователей, доктор философских наук С. В. Тихонова и кандидат исторических наук Д. С. Артамонов, имеет солидный бэкграунд в теме медиапамяти. В недавнем прошлом издательством «Алетейя» была опубликована книга «Историческая память в социальных медиа», в которой авторы предприняли попытку проанализировать актуальные способы конструирования истории. В отличие от «Исторической памяти», новая книга ориентирована на строго ограниченную предметную область. Последняя конституируется спектром дискурсов, посвященных деятельности первого российского императора и легендарной фигуры в отечественной истории. Несмотря на то, что Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова не раз ссылались в устных докладах и опубликованных статьях на авторитетные статистические данные, свидетельствующие об устойчивой (если не прогрессирующей) популярности Петра (Артамонов, 2022, с. 144–145), можно говорить и о других причинах появления монографии. Образ монарха оценивается как один из самых сложных для аналитики в виду гетерогенности интерпретаций, состоящих из полярных и ряда промежуточных пропозиций, и исторических дискурсивных наслоений (Артамонов & Ясакова, 2021, с. 184). Даже беглый взгляд на медиаиндустрию позволяет с уверенностью сказать, что в фокусе внимания исследователей находится «знаковая фигура» (Артамонов & Сони́на, 2021, с. 252).

Разумеется, ни одна знаковая фигура не становится сегодня таковой без дискурсивно-технологической обработки медиаиндустрией. Ее роль при этом нельзя охарактеризовать шаблонными пропозициями типа «медиаканалы популяризировали / реинкарнировали / девальвировали личность Петра». Вполне вероятно, что в каждой вариации разбросаны зерна правды и фальши. Книгу открывает небольшое философское эссе о «призрачности» электронной репродукции классического портрета кисти Жана Натье, а также лаконичные размышления о статусе спроецированной фигуры и исторической референции. Не стоит полагать, что в основной части монографии формат эссе сохранится – напротив, читателя ждет множество ссылок, обоснованная философско-научная концептуальная карта (частично воспроизведенная в предыдущей книге), аргументированные выводы и массив эмпирических данных. Как и любое другое изобилующее эмпирикой исследование, эту книгу можно читать как минимум двумя способами (в свою очередь, детерминируемыми текстуальными слоями): первый способ предполагает вдумчивое отношение к концептуальному аппарату, пристальное внимание к структуре посылок и выводов, а второй конституируется погружением в эмпирику. Последняя, несомненно, разнообразна: реклама, кинематограф и мультипликация, изобразительное искусство, мемы, компьютерные игры и т. д. По «формуле» известного мема, «нельзя просто так взять и... не заинтересоваться хоть чем-

нибудь в монографии саратовских исследователей». Калейдоскопия данных качественно обслуживает концептуальный аппарат и иллюстрирует сложные теоретические выкладки. Особого внимания заслуживает авторская ирония в определении целевой аудитории: «Надеемся, что книга будет полезна тем, кто готов погрузиться в воображаемые исторические миры медиасреды, создаваемые вокруг Петра I» (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 8). Если вырезать из цитаты имя исторического «персонажа», то целевой аудиторией книги можно было бы считать фактически все человечество. Монография состоит из трех глав: «Петр I в медиапамяти цифровой эпохи», «Петр I в визуальных образах медиапамяти» и «Конструирование образа Петра I в медиасреде». В отличие от заключительной, первая и вторая главы презентуют аналитико-дескриптивный опыт, необходимый для погружения читателя в продуцирующую образы монарха медиасреду. Третья глава посвящена аналитике дискурсивных технологий, механизмам производства и функционирования медиаобразов.

Мифология медиапамяти

Медиатизация, или инклюзия инфокоммуникационных технологий в профессиональные и бытовые практики с последующей трансформацией реципиентов, встроила в общение и коммуникацию множество посредников. При этом влияние данного процесса, очевидно, не ограничивается трансформацией символического обмена. Медиа технологии воздействуют на все известные способы конструирования социокультурных миров и детерминируют появление новых, ранее не известных способов. В контексте влияния медиаиндустрии и медиатизации на жизнь человека и социальный уклад нельзя не вспомнить хайдеггерианское сомнение семидесятилетней давности в адекватности «публичных» дефиниций техники (по иронии судьбы, существующих по сей день). Почти по-хайдеггериански авторы «Петра» утверждают, что общество не только (быть может, и не столько) использовало медиа технологии для репрезентации действительности, но фактически «растворилось» в них и стало зависеть от их имманентной функциональной логики (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 12–13). Что касается памяти, то исторически она объективировалась в практиках письменности. С наращиванием оборотов медиатизации память стала устойчиво ассоциироваться с функционалом компьютера и мобильных гаджетов. Сегодня гаджеты, а не головы, являются главными хранителями прошлого.

Из сказанного не следует, что дискурсивно сконструированного «современного человека» можно отождествить с кефалофором Дионисием, как это сделал М. Серр (Серр, 2016). Сомнительной тактикой представляется и маркировка человека исключительно в пассивном залоге. На практике перманентный, не поддающийся метрологической фиксации, прирост данных свидетельствует об обратном: *homo mediatus* продолжает играть роль произ-

водителя. В результате интенсивной производственной деятельности возникают синтетические продукты, представляющие собой смесь дескрипции исторических фактов с интерпретативными пользовательскими новациями, укоренившимися стереотипами, популярными коннотациями и т. д. В отсутствие исторического и историософского бэкграунда разобраться в долях примесей и субстрата фактически невозможно. По оценке исследователей, Интернет-пользователи выступают в качестве «авторов уникального исторического контента» (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 21). Разумеется, уникальность контента не имеет никакой жесткой связи с верифицируемостью и фактологичностью. Напротив, спецификация пользовательских интерпретаций возникает на дистанции от фактологического экстракта (подобного тому, что был показан в фантастической кинокартине «Изобретение лжи»). Иными словами, соответствие фактологии обратно пропорционально уникальности. В качестве результирующей пользовательских медиапрактик и, что принципиально важно, на основании персональных воспоминаний, смешанных (возможно, всецело сведенных) с медиаконтентом, возникают (квази)исторические коллажи. Трансформация памяти в виртуальной среде и цифровом обществе требует, по оценке авторов, введения новых концептов. То же можно сказать и о медиапродукции, обозначаемой уже привычными для постмиллениалов маркерами: «мемы», «гифки», “short stories” и т. д. В частности, не совсем понятно, могут ли born-digital sources (Li & Wu, 2012, p. 240) получить статус исторических источников?

В книге подмечено, на первый взгляд, очевидное, но вместе с тем любопытное обстоятельство: «Человек может одинаково “помнить” трагедию 11 сентября 2001 г. и нападение японцев на Перл-Харбор» (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 22). Закавыченное «помнить» указывает на условность и перенос значения. Строго говоря, потребитель контента (не) «помнит» референцию, но наверняка знаком с цифровыми следами, в спектр которых попадают все обозначенные born-digital. В позитивистской концептологии эти кавычки оправданы, в постмодернистской они, напротив, не имеют значения. Помнит ли историк, работавший с архивами, мемуарами адмирала Холси и другими источниками, события в Перл-Харбор? Цифровые технологии вкупе с одомашненным Интернетом, возможностями для пользовательской активности и вариативностью форм производства контента продолжили процесс рассеивания метанарративов. Инфопространство наводнили микроформаты, рассчитанные на мгновенное схватывание и усвоение. Однако формально простые, микротексты отнюдь не всегда годятся для «легкого» чтения: в них причудливо сплетаются цитаты в кавычках и без, переносы значений, историко-мифологический бэкграунд.

Авторы посвятили мифологии отдельный параграф первой главы. Дескрипция последней при этом фундирована идеями известных семиологов (Р. Барта, Ю. М. Лотмана, Я. Ассмана). Обстоятельной аналитике подверглась

мифема «окно в Европу», в которой сочетаются поливариантные смыслы: индивидуалистская героика, борьба с прошлым, демонтаж старых несущих конструкций, борьба за новое будущее, переход от варварства к цивилизации и т. д. Брадобритие – второй предмет аналитики – также определяется как метафора европеизации. Исследователи пришли к выводу о сквозной инвариантности мифологизированного образа Петра I, в отличие от образа Европы. Первый относительно стабилен и соединяет героику, прогрессизм, решительное размонтирование старого уклада. Вторым, напротив, «деградировал» от прогрессизма к загниванию.

Онтологический ракурс медиаобразов, интегрированных в механику виртуальных репрезентаций, дополняется экзистенциалистским ракурсом. По мнению авторов, современный человек «тоскует» по безвозвратно утраченному прошлому. Весь известный человечеству пул нарративов служит в данном разрезе удержанию / реинкарнации утраченного. Разумеется, прошлое всегда оживает как другое. «Тоска» по референту, субстратным сущностям стимулирует эффект «фетишизации» прошлого (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 59). Обозначенный эффект, в свою очередь, влияет на практики работы с прошлым. Прошлое не только фиксируется по архивным документальным следам, но и в буквальном смысле реконструируется. Практика реконструкции предполагает обстоятельную работу с деталями, игнорирующимися «монументалистскими» дискурсами.

Говоря о том, что представления о прошлом являются важным фактором общественно-политического развития, авторы предлагают обратиться к медиапамяти как к значимому ресурсу конструирования коллективных идентичностей. В своей исследовательской стратегии С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов опираются на концепцию мемориального поворота, произошедшего в исторических науках в 70-80-х годах прошлого столетия. Увязывая с ним медиатизацию образа Петра I, авторы осуществляют исследование в русле *memory studies* и в то же время актуализируют его через призму существующего геополитического противостояния и конфликтогенности.

Механизмы функционирования медиапамяти

Для России петровская эпоха является определяющей в отношении цивилизационного развития и формирования национальной идентичности. Авторы демонстрируют существующую тенденцию обращения к фигуре Петра Великого в Интернете и СМИ с целью исторического фундирования того или иного современного процесса или события. Эта тенденция обусловлена тем, что в силу своей всесторонней политики, первый Российский Император удовлетворяет чаяниям как консервативного, так и либерального крыла. Таким образом, в массовой культуре России создается корпус мифов о Петре и его политике.

В параграфе «Петр I и Сталин: технологии мемориальных конфликтов» читателю предложено ознакомиться с механизмами, запускающими «войны памяти». Авторы утверждают, что историческое прошлое способствует достижению общественного консенсуса (Тихонова, 2022, с. 123). Действительно, единый образ исторического прошлого является важнейшим инструментом для конструирования внутри сообщества «авторитетного дискурса» (метанарратива), для которого характерно формирование суммы фиксирующих реальность символических форм (Юрчак, 2016, с. 91). Авторитетный дискурс упрощает механизмы политики памяти, предлагая актору готовые «блоки» символов, знаков, коннотатов – для формирования суждений о том или ином феномене. Такая политика памяти представляет собой весьма герметичную систему, и покушение на нее приводит либо к ревизии политики памяти и перформативному сдвигу, либо к мемориальному конфликту. С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов также обращают внимание на то, что версии прошлого могут конструироваться как за счет акторов исторической политики, так и посредством массового историотворчества. За счет этого историческая память становится мифом, или, в интерпретации Р. Барта, «двойной» системой, в которой буквальный смысл соединяется с новым, избыточным коннотатом (Барт, 2008, с. 281). В качестве примера такого рода мифов С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов рассматривают мемы о значимых и обладающих сходными чертами в коллективной памяти россиян исторических фигурах – Петре I и И. В. Сталине.

Выбор мемов как объектов исследования в данном параграфе обусловлен тем, что юмор является одной из стратегий преодоления прошлого для обывателей (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 126). Смех предполагает снижение пафоса, профанирование сакральности осмеиваемых объектов, понижение градуса их серьезности (Сыров, 2013, с. 35). При этом мемы как часть современной смеховой культуры являются наиболее удобной формой трансляции социальных мифов, поскольку они эмоционально окрашены и рассчитаны на быстрое вовлечение реципиента в коммуникацию (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 35). Авторы предлагают описание палитры мемов, посвященных репрезентации образов рассматриваемых фигур, демонстрируя потребность сетевой аудитории к переосмыслению исторических событий посредством карнавализации акторов мема. Так история становится «ближе», исторические деятели «присваиваются» и помещаются в ряд простых и понятных образов – котики, Шрэки, супергерои. Однако, именно в этом параграфе сложно удержаться от мягкой критики рецензируемой работы. Говоря о репрезентации образов Петра I и И. В. Сталина, авторы отсылают читателя к тому или иному мему. Однако справедливо предположить, что книга может быть изучена и человеком, далеким от Интернет-культуры и не знакомым с описываемым феноменом. Поэтому рецензенты полагают, что иллюстративный ряд существенно улучшил бы второе издание книги, сделав «порог вхождения» минимальным.

Прочтение мемов в русле мемориальных войн и коллективной памяти также поставило перед рецензентами вопрос – насколько мемы могут быть политически ангажированы? Ранее говорилось о возможности геополитических конфликтов на фоне разночтений в исторической памяти. Мемы же способны предложить плюралистическое прочтение истории и, будучи ориентированными в основном на массового потребителя, имплицитно сформировать у него политически заряженный взгляд на историческое прошлое своей страны (Кузнецов, 2022, с. 68–69). Такое использование мемов обозначается термином “memetic warfare” и используется в концепции сетецентрических войн (Коровин, 2014). Раскрытие такой функции мемов, по мнению рецензентов, также обогатило бы работу, сделав анализ рассматриваемого феномена предельно комплексным.

Параграф «Петр I и Иван Грозный: механика медиазабвения» посвящен отдельному аспекту формирования социальных мифов – забвению. Авторы хотели проследить, как механизм забвения проявляется в репрезентации в массовой культуре на материалах сыноубийства как общего факта биографий двух русских правителей. Для этого приводятся историографические, мифографические и медиалогические обзоры двух указанных кейсов, на основании которых демонстрируется, как менялась оценка этих событий в разные периоды российской истории.

Однако гораздо больший интерес представляет изложенная авторами моральная оценка факта сыноубийства в современном медиадискурсе. С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов пишут, что, несмотря на чувствительность общественного мнения к проблемам семейного насилия в отношении отцов и детей, репутация сыноубийцы по-разному отразилась на медийных образах Петра I и Ивана Грозного. Гипотезой для объяснения этого феномена служит предположение, что стратегия забвения этого факта заключалась в гиперболизации злодеяния при конструировании сетевого образа Ивана Грозного (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 136–137). Анализ источниковой базы позволяет авторам подобрать валидные аргументы в пользу этой гипотезы, а также расставить дополнительные нюансы в репрезентации этих образов в мемкультуре. Так, мемы об Иване Грозном конструируют его образ в строгой реляции с фактом убийства кого бы то ни было, и такое понимание этой исторической личности вполне соответствует традиционной историографии «Грозного царя». Для Петра факт сыноубийства является менее релевантным; основной акцент в мемах делается на его внешне- и внутривнутриполитической деятельности, что также может быть сопряжено со спорным статусом информации об убийстве царевича Алексея в историографии.

В этой связи можно выдвинуть еще и дополнительную гипотезу, что статус отцеубийцы подкрепляется исторически известной визуальной репрезентацией. Упомянутое авторами полотно И. Е. Репина, на котором безутешный царь обнимает окровавленное тело сына, гораздо ярче, чем картина Н. Н. Ге, посвященная допросу царевича Алексея. Возможно, именно

яркость и «меметичность» образа послужила в качестве отправной точки для поливариантного воспроизведения в цикле мемов «Иван Грозный убивает». Это хорошо соотносится с идеей культуральной истории насилия, в которой акт жестокости воспринимается как элемент социальной драмы (Берк, 2016, с. 166–167). Таким образом, маниакальность царя Ивана, пролонгированная в цикле мемов, свидетельствует о социальной драме, которая происходит сейчас, но выражается посредством исторического образа. Однако Иван Грозный является побочным персонажем в настоящем исследовании, и рецензенты надеются, что рано или поздно свет увидит монография, где медиапамять о нем станет магистральной линией.

Последний параграф озаглавлен «Петр I в книжной культуре и сетевой литературе». Авторы подробно останавливаются на том, как формируется публицистический образ Петра. Объектом рассмотрения выступает современная книжность, помещенная в цифровую среду. Авторы отмечают, что сегодняшнее культурное пространство смещается в сторону медиа, и создаваемые в медиасреде книги конструируются и распространяются по иным принципам, нежели их печатные предшественники (Артамонов & Тихонова, 2022, с. 150). Цифровые литературные произведения всегда представляют собой вариацию оригинального произведения, имплицитно содержа в себе аллюзию на первоисточник. Таким образом формируется некая сеть текстов, связанных между собой не иерархически, а ассоциативно, но при этом способных вполне успешно конструировать коллективную память посредством отражения неких представлений о прошлом. В рецензируемой монографии авторы уделяют подробное внимание такой форме сетевой литературы как фанфикшн, с целью выявления ключевых форм и сюжетов для дальнейшей мифологизации личности Петра Первого.

Комплексный анализ разнообразных фанфиков, посвященных личности первого русского императора (особенно рецензентов поразил тот, в котором Петр борется вместе со Шрэками за свободу во времена Октябрьской революции 1917 г.), демонстрирует, что образ Петра I занимает значительное место в медиапамяти. Сетевая литература же служит удобной платформой, которая позволяет легко и вариативно компилировать в одном тексте как реальные исторические факты, так и мифологизированные представления. Более того, авторам удается продемонстрировать и лабильность этого образа, который может быть органично встроен в любой мемориальный дискурс и сочетается с абсолютно любыми актерами (включая Шрэков).

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс)

22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Список литературы

- Li, Q., & Wu, Q. (2012). The efficient exploitation of born-digital resources driven by value assessment. *Geomatics and Information Science of Wuhan University*, 37(1), 240–242.
- Артамонов, Д. С. (2022). Мультипликация как форма медиапамяти: Образ Петра I в анимационных фильмах. *Российский гуманитарный журнал*, 11(2), 142–148. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.2.6>
- Артамонов, Д. С., & Сони́на, Е. С. (2021). Образ Петра I и его эпохи в настольных и компьютерных играх. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 9, 252–276. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-252-276>
- Артамонов, Д. С., & Тихонова, С. В. (2022). *Петр I в медиапамяти*. Саратовский источник.
- Артамонов, Д. С., & Ясакова, Г. В. (2021). Образ Петра I в мифологическом контексте. *Logos et Praxis*, 3, 184–192. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18>
- Барт, Р. (2008). *Мифологии* (С. Зенкина, Пер.). Академический проект.
- Бёрк, П. (2015). *Что такое культуральная история?* Издательский дом Высшей школы экономики.
- Коровин, В. М. (2014). *Третья мировая сетевая война*. Питер.
- Кузнецов, И. (2022). *Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир*. Бомбора.
- Серр, М. (2016). *Девочка с пальчик*. Ad Marginem.
- Сыров, В. Н. (2013). Смех как структурный элемент культуры. В *От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века* (с. 27–45). Каменный пояс.
- Юрчак, А. (2021). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Последнее советское поколение*. Новое Литературное Обозрение.

References

- Artamonov, D. S. (2022). Animation as a form of media memory: the image of Peter the Great in animated films. *Liberal Arts in Russia*, 11(2), 142–148. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.2.6> (In Russian).
- Artamonov, D. S., & Sonina, E. S. (2021). The Image of Peter I and his Era in Board and Computer Games. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 9, 252–276. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-252-276> (In Russian).
- Artamonov, D. S., & Tikhonova, S. V. (2022). *Peter the Great in Media Memory*. Saratov Source. (In Russian).
- Artamonov, D. S., & Yasakova, G. V. (2021). The Image of Peter I in a Mythological Context. *Logos et Praxis*, 3, 184–192. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.18> (In Russian).

- Barthes, R. (2008). *Mythologies* (S. Zenkin, Trans.). The Academic Project.. (In Russian).
- Burke, P. (2015). *What is cultural history?* Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).
- Korovin, V. M. (2014). *The Third World Network War*. Piter. (In Russian).
- Kuznetsov, I. (2022). *Memes. A scholarly look at the pop culture phenomenon that has taken over the world*. Bombora. (In Russian).
- Li, Q., & Wu, Q. (2012). The efficient exploitation of born-digital resources driven by value assessment. *Geomatics and Information Science of Wuhan University*, 37(1), 240–242.
- Serr, M. (2016). *A girl the size of a finger*. Ad Marginem. (In Russian).
- Syrov, V. N. (2013). Laughter as a structural element of culture. In *From the Great to the Ridiculous... The Instrumentalization of Laughter in 20th Century Russian History* (pp. 27–45). Kamennyi poyas. (In Russian).
- Yurchak, A. (2021). *It was forever, until it was over. The Last Soviet Generation: The Last Soviet Generation*. New Literary Review. (In Russian).